

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Семерник Снежана Здиславовна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ ЭКОНОМОЦЕНТРИЧНОГО
ОБЩЕСТВА**

Специальность 09.00.11. – Социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Санкт-Петербург – 2016

Работа выполнена на кафедре философии факультета философии человека ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена **Стрельченко Василий Иванович**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор профессор кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета МВД России **Балахонский Виталий Витальевич**

доктор экономических наук, профессор заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Юридического института Академии Генеральной прокуратуры РФ **Колесников Вадим Вячеславович**

доктор философских наук, профессор, проректор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета **Туфанов Александр Олегович**

Ведущая организация: Санкт-Петербургский национальный исследовательский Академический университет АН РФ

Защита состоится «___» _____ 2016 г. в _____ часов на заседании Совета Д 212.232.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, Институт философии, ауд. 24

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького и на сайте Санкт-Петербургского государственного университета www.spb.ru/science/disser

Автореферат разослан «___» _____ 2016 года.

Ученый секретарь Совета

А. Б. Рукавишников

Актуальность исследования Слово «риск» прочно вошло в речевые транзакции современного социума, указывая на остроту стоящих за ним проблем: эскалацию напряженности в функционировании экономических, культурных, политических систем, повышение вероятности их неблагоприятного развития. Этим определяется беспрецедентная актуализация исследований экономических, политических, социальных рисков, поиска механизмов нейтрализации и преодоления порождаемых ими кризисных ситуаций.

Стремительное разрастание зон и видов риска свидетельствует о том, что это не столько локальные проблемы, сколько системное явление. В связи с этим актуальной является задача реконструкции факторов развития социокультурных рисков, позволяющих не только выявить специфические признаки реализации рисковых стратегий в отдельных сферах общественного функционирования, но и охарактеризовать рискогенный потенциал современной культуры и социума в целом. Данная задача требует переосмысления фундаментальных принципов функционирования современной социальной системы. Ведущей тенденцией ее развития является тотальная экономизация всех сфер жизни, сопряженная с активным распространением экономических принципов на внеэкономические виды деятельности. Это обуславливает масштабную трансформацию социума, характеризующуюся высокой степенью неопределенности как антропологических, так и культурно-цивилизационных ожиданий.

Поскольку сфера хозяйственной деятельности современного общества чрезвычайно расширилась, возникает необходимость специального исследования взаимосвязей между экономической и неэкономическими сферами жизни общества, а также выявления их сопряженной и параллельной эволюции, возможных социокультурных и антропологических последствий. В этой связи особую актуальность приобретают задачи уяснения антропологического смысла социальных изменений, возникающих под влиянием идеологии и практик эконоцентризма – специфической

социокультурной парадигмы, сформировавшейся в новоевропейский период развития социума и приобретающей доминирующее значение в системе современных социальных отношений, – а также масштабов и характера протекающих отсюда антропогенных преобразований культурно-цивилизационных условий жизни общества.

Феномен эконоцентризма хотя и обозначен, вместе с тем мало изучен в социальной философии. Многообразие попыток его теоретических репрезентаций, несовместимость существующих мнений, конкурирующих гипотез, теорий и идей, едва ли не полное отсутствие не только знаний, но и строгой постановки вопросов о природе, социальных и антропологических основаниях эконоцентризма современности, – эпохи прогресса информационных, классовых и цивилизационных конфликтов, – все это является выражением неопределенности оценок нынешнего состояния и будущего как европейской, так и отечественной культуры, ставит исследователей перед необходимостью глубокого проникновения в суть осуществляющихся преобразований.

Неопределенность выступает атрибутом и антропогенных трансформаций современности: ментальные и социально-практические установки эконоцентризма выполняют роль структур, порождающих нового человека – «*homo economicus*'а», – главного актора происходящих на наших глазах и грядущих перемен. Несмотря на то, что феномен «*homo economicus*'а» оценен представителями самых различных школ, как в философии, так и собственно в экономике, тем не менее, актуальной остается задача расширения проблемного поля исследований, посвященных данному вопросу, поиска новых граней и принципов его осмысления. В частности, недостаточно изученным остается вопрос о тех социокультурных рисках, которыми чреваты культурно-цивилизационные инициативы «*homo economicus*'а», построение его отношений с обществом на основе ценностей идеологии эконоцентризма. Это тем более значимо, что «экономический человек» из эпизодического героя превращается во все более распространенный для современного общества тип личности. Он

представлен в самых разнообразных слоях общества и обнаруживает тенденции к эволюции, протекающей комплементарно происходящим в обществе экономическим и социокультурным трансформациям.

Необходимо отметить, что неопределенность отнюдь не принадлежит к числу свойств выражающих сущность самой производственно-экономической сферы общества, а имеет эпистемологический статус, возникая на почве видимости непроницаемости плотной стены абстракций, отделяющей социогуманитарное познание от его объектов. Преодоление разрыва между существующими представлениями об экономоцентризме и их естественной референциальной основой, – задача не только актуальная, но и объективно сложная. Путь к ее разрешению, – включение в поле анализа эвристических идей философии хозяйства с целью истолкования феномена экономоцентризма в контексте достигнутого уровня знаний о «месте человека в природе и природы в человеке». Реактуализация и практическое воплощение идей философии хозяйства позволит не только обнаружить истоки и движущие силы развития экономоцентричного общества, но и решить задачу по выработке стратегий преодоления возникающих в данном обществе социокультурных рисков, формирования типов субъектов, способных к решению данных задач.

Цель исследования – разработать аутентичную концепцию экономоцентричного общества, его социокультурных рисков.

Задачи исследования:

1. Определить содержание, антропологические и социокультурные смыслы понятий «экономоцентризм», «экономоцентричное общество»;
2. Выявить и охарактеризовать как общие, так и специфические особенности социокультурных рисков на основных этапах исторической эволюции экономоцентричного общества;
3. Дать оценку значения и границ применимости познавательных средств социально-гуманитарной аналитики с точки зрения их аутентичности целям уяснения природы экономоцентричного общества;
4. Выдвинуть и обосновать принципы типологизации исторических и

современных социальных систем с точки зрения отношения их к стратегиям эконоцентричного поведения;

5. Осуществить сравнительный анализ основополагающих идей русской философии хозяйства и наиболее влиятельных макроэкономических концепций современного экономического либерализма;

6. Раскрыть механизмы экспансии эконоцентризма в социокультурное пространство внеэкономических сфер жизни общества, определить масштабы и характер влияния данных процессов на развитие современного социума;

7. Выявить и охарактеризовать исторические и современные типы социальной субъективности, инициирующие становление практик эконоцентризма и определить их характерные особенности;

8. Идентифицировать человекоразмерное пространство эконоцентричного общества и рассмотреть его как структуру антропологических рисков, порождающих жизненные миры homo oeconomicus;

9. Разработать принципы и механизмы управления социокультурными рисками, способствующие снижению вероятности развертывания их деструктивного потенциала в пространстве современного эконоцентричного социума.

Объектом исследования выступает эконоцентричное общество как специфический тип современного социума. **Предметом исследования** являются социокультурные риски эконоцентричного общества, повышающие вероятность неблагоприятного развития социума.

Научная новизна исследования определяется принципиальной новизной основных положений и выводов:

1. Определено содержание, антропологический и социокультурный смыслы понятий «эконоцентризм» и «эконоцентричное общество»;

2. Идентифицированы социокультурные риски эконоцентричного общества;

3. Дана оценка значения и границ применимости познавательных

средств социально-гуманитарной аналитики с точки зрения их аутентичности целям уяснения природы эконоцентричного общества;

4. Осуществлена типологизация социальных систем с позиций концепции социокультурной парадигмы, позволяющей оценить степень тотализации компонентов эконоцентризма в системе принципов функционирования социума;

5. Обоснован вывод о том, что основополагающие идеи философии хозяйства открывают перспективу преодоления идеологии и практик эконоцентризма;

6. Выявлены механизмы, масштабы и характер влияния эконоцентризма на развитие внеэкономических сфер жизни общества;

7. Выявлены и охарактеризованы основные типы социальной субъективности, реализующие социокультурную активность в соотнесенности с принципами эконоцентризма. Определены их типологические черты, формы и уровни организации в условиях современного общества;

8. Обосновано положение о реальности существования homo economicus, определены его место и роль в системе исторически релятивных и преемственно связанных стратегий антропогенных изменений в структуре механизмов культурно-цивилизационной детерминации социума;

9. Разработаны принципы преодоления и отвечающих им технологий управления социокультурными рисками эконоцентричного общества в условиях глобализации и прогресса информационных технологий.

Степень разработанности проблемы Тема диссертационного исследования «Социокультурные риски эконоцентричного общества», с одной стороны, отсылает к фундаментальным проблемам социогуманитарной рефлексии, имеющим длительную традицию научного анализа (вопросы социокультурной и социоэкономической динамики, проблемы хозяйственно-экономической деятельности и решения возникающих в ее пространстве задач, проблемы ценностно-мировоззренческих ориентаций личности и общества и т. д.), с другой, обращается к достаточно новым, по историческим меркам,

проблемам (вопросы рискологии), а также затрагивает область научного знания, которая может рассматриваться как становящаяся, вариативная, потенциальная (тема эконоцентризма и сопряженная с ней проблематика), где длительность изучения вопросов измеряется несколькими десятками лет или даже отдельными годами. При этом данная тема находится на стыке проблем самых различных наук (философия, политология, экономика, культурология, психология, социология и т. д.), в связи с чем к научным разработкам проблем, рассматриваемых в диссертационном исследовании, можно отнести достаточно широкий круг работ ученых-классиков, а также значительное количество трудов современных авторов.

Среди классических работ можно назвать труды, относящиеся к проблеме исторической динамики общества, где в непрерывной полемике присутствуют представители линейного подхода в самых различных его вариантах: стадийном, спиралевидном, волнообразном (О. Конт, Г. Спенсер, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс) и сторонники теорий круговорота, цивилизационного подхода (Д. Я. Данилевский, Ю. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби);

Теоретик экономической истории Й. Шумпетер придавал огромное значение роли исторического знания в понимании экономических процессов: «Наиболее фундаментальные ошибки экономического анализа были допущены при игнорировании исторического опыта»¹. Он пояснил эту мысль следующим образом: объект «экономической науки — уникальный процесс в историческом времени. Экономическое историческое исследование не может быть чисто экономическим, но неизбежно отражает также институциональные факты не чисто экономического свойства. Это лучшее свойство для понимания их взаимообусловленности. Изучение истории не только лучший, но единственный метод для этих целей»². Следуя названному теоретическому посылу, были рассмотрены работы, исследующие проблемы исторической динамики (Ю. А. Андреев, В. В. Балахонский, М. В. Бахтин, Л. Н. Гумилев,

¹ Шумпетер, Й. История экономического анализа / Й. Шумпетер // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли : сб. ст. / гл. ред. В. Я. Жамин. – М. : Экономика. – 1989. – Вып. 1., С. 12.

² Там же, С. 12.

В. П. Горюнов, Л. Е. Гринин, П. С. Гуревич, А. А. Ивин, А. Кондорсе, О. Конт, А. С. Панарин, Ю. И. Семенов, Е. М. Сергейчик, А. М. Соколов, В. И. Стрельченко, К. М. Кантор, М. И. Левандовский, Ч. С. Кирвель и др.), вопросы экономического развития общества (А. В. Бузгалин, Р. С. Гринберг, К. Маркс, К. Поланьи, Н. Кондратьев, Й. Шумпетер, С. Я. Рубинштейн, Е. Е. Румянцева, В. Г. Федотова, Ф. Энгельс, И. И. Янжул и др.). Концептуальные положения данных работ условно можно объединить в три самостоятельных направления: во-первых, работы, исходящие из линейных моделей социодинамики и соответственно утверждающие наличие единой универсальной экономической стратегии развития для всех, без исключения, регионов планеты, вне зависимости от типа и характера складывающихся в них экономических отношений. Для этой линейно-универсалистской модели характерно оперирование категориями «высший – низший», «передовой – отсталый», «развитый – неразвитый», «цивилизованный – нецивилизованный» и т. д. (Дж. Ватимо, А. Кондорсе, О. Конт, К. Маркс, Ф. Фукуяма, Ф. Энгельс и др.); во-вторых, концепция полярных путей развития, противоборства дуальных экономических подходов. В частности, в рамках названного подхода наибольшей популярностью пользуется противопоставление категорий «рынок – план», «либерализм – тоталитаризм». Данная дуальная модель может рассматриваться как производная от первой, поскольку ее ангажированная логика безусловный приоритет отдает лишь одному из признаваемых полюсов развития, опять же, следуя некоей универсально-эталонной логике (Л. Бальцеревич, И. Н. Ковалев и др.).

Наконец, третий концептуальный подход, опирается на идею о множественности путей экономического развития, связанную с представлением о специфических принципах развития национальных экономик, сообразно их цивилизационной идентичности (Н. Я. Данилевский, О. Шпнеглер, А. Тойнби, П. Сорокин и др.).

При таких концептуальных подходах экономическую модель развития можно рассматривать в трех вариантах: как подражание и управленческую

экстраполяцию, как выбор альтернатив и как самоидентификацию соответственно. Данное трехплоскостное видение проблем социоэкономической динамики отражено в трудах российских исследователей В. И. Якунина, В. Э. Багдасаряна, С. С. Сулакшина.

В связи с вопросами социоэкономической динамики общества особо следует выделить теорию мир-системного анализа, развиваемую такими авторами как Ф. Бродель, И. Валлерстйн, С. Амин, Дж. Арриги, С. Г. Франк и др.. Согласно данному подходу, современные хозяйственные процессы необходимо рассматривать в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Речь идет не столько о взаимодействии локальных хозяйственно-экономических систем, сколько о едином мировом хозяйстве, система организации которого построена по принципу «центр — периферия». При этом свойственные «центру» способы организации экономических процессов неразрывно связаны с «периферийностью» не входящих в ядро системы экономических систем, чем, в свою очередь, обусловлено неравное и заведомо неэффективное с точки зрения решения задач по обеспечению социально-экономического благополучия положение последних.

Школа мир-системного анализа по-новому ставит проблему социоэкономической динамики, уделяя главенствующее место в решении данного вопроса проблеме генезиса капитализма, понимание социокультурных принципов функционирования которого представляется не менее важным, чем выявление собственно экономических принципов его развития. В связи с этим теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные анализу развития капитализма во всем многообразии его проявлений. Прежде всего это труды ученых-классиков Ф. Броделя, М. Вебера, Т. Веблена, Ж. Ле Гоффа, В. Зомбарта, К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, К. Каутского, К. Поланьи, труды исследователей советской школы, а также работы современных авторов А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, Р. Дзарасова, В. Ю. Катасонова, А. Г. Дугина, Р. Лахмана, П. Розваллона, В. Г. Федотова, А. И. Фурсова и др.

Важным аспектом исследования капитализма является понимание

возможности возникновения различных форм его развития. Данная проблема представляется весьма актуальной для современного научного сообщества, в связи с чем, количество работ, посвященных проблеме капитализма и в особенности его трансформационному потенциалу чрезвычайно велико. Здесь можно назвать работы Л. Болтански, Э. Кьяпелло, К. Поланьи, Д. И. Смирнова, Г. И. Ширинского и др..

Выявлению роли социокультурных факторов в становлении и развитии капитализма, в частности, возникновению этики протестантизма уделяют значение такие авторы как И. Вебер, В. Зомбарт, А. Тоуни, М. Оссовская, а также М. Ю. Смирнов, Н. В. Сомин, В. Ю. Катасонов и др.

Особый интерес в рамках исследования вызывают труды, посвященные современной — финансовой — стадии развития капитализма. К названной проблеме обращались такие авторы как Р. Гильфердинг, Т. Владигеров, А. Фон-Еннотаевский, А. Залетный, А. Субетто, Ю. Осипов, и др.. Такие авторы как В. А. Кутырев и Ф. В. Шелов-Коведяев полагают, что высшей стадией развития капитализма выступает экономоцентризм. Тем самым они реализовывают не столько политэкономический, сколько социокультурный подход к пониманию феномена капиталистического общества.

В работе использовались исследования по проблемам хозяйственно-экономической деятельности, восходящие к трудам древних греков Аристотеля, Гесиода, Катона, Ксенофонта и продолжающиеся в работах средневековых авторов, а также труды общепризнанных классиков экономической мысли А. Смита, Д. Рикардо, Ф. Кене, Г. Шмолера, Дж. Кейнса., П. Самуэльсона, М. Фридмена и недостаточно популяризированные разработки представителей альтернативного крыла экономической мысли Ф. Листа, В. Ойкена, Ж. Сисмонди, В. Зомбарта, К. Поланьи и др..

Новое прочтение проблем социоэкономической динамики предлагает С. Хантингтон, согласно которому, развитие современной политики и экономики невозможно понять вне рассмотрения их в поле культуры. Эвристический потенциал культурологического и социокультурных подходов к

пониманию проблем современности связан с тем, что они раскрывают взаимопроникновение экономических и неэкономических факторов общественного развития. Это работы классиков социальной и экономической мысли, посвященные выявлению значимых зависимостей между культурными феноменами, культурой в целом и экономической деятельностью: П. Бурдьё, М. Вебер, В. Зомбарт, К. Маркс, М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, Й. Шумпетер, Ф. Энгельс и других.

Экономическую составляющую во взаимосвязи с религиозно-метафизическими основаниями общественной жизни рассматривали классики Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, А. Тоуни, М. Вебер, В. Зомбарт др.. На этическую компоненту экономического развития, его моральную составляющую указывали Э. Дюркгейм, М. Вебер, а также М. Бюшер, Г. Коррациари, А. Рих, А. Сен, А. Этциони, Н. Гиляров-Платонов и другие.

Современные авторы, продолжая традицию рассмотрения экономической проблематики во взаимосвязи с социокультурными и морально-этическими аспектами, уделяют этой теме достаточно серьезное внимание. Здесь можно назвать работы И. И. Агаповой, В. И. Верховина, Н. Н. Зарубиной, Г. А. Гольца, Л. Г. Горичевой, В. К. Королева, Б. В. Маркова, И. Н. Мочаловой, В. Н. Скворцова, Ю. Я. Ольсевича, О. А. Платонова, А. А. Погребняк, К. С. Пигрова, В. М. Розина, Н. Е. Тихонова, Л. И. Чинакова, Н. И. Мокашевой, Ч. С. Кирвеля, Т. Б. Коваль, О. А. Романова, В. П. Щербакова, Т. Н. Юдиной и других, а также труды авторов, рассматривающих этико-культурную и религиозную проблематику в целом: А. И. Бродский, Н. В. Голик, А. М. Прилуцкий, Д. В. Шмонин. Обращение к социокультурным основам хозяйства и христианской этики труда характерно для работ М. А. Арефьева, Т. В. Коваль, Н. Н. Зарубиной.

Особого внимания требует верификация категориально-понятийного аппарата, используемого в исследовании. В частности, внимание уделено понятию «экономоцентризм». Несмотря на то, что данное понятие не является

пока общеупотребительной, тем не менее, в XXI веке она прочно входит в семантическое пространство социогуманитарной рефлексии, конституируя специфический тезаурус, позволяющий исследователям расширять проблемное поле исследований в области социоэкономической динамики. В частности, термин «экономоцентризм» является рабочей семантической единицей в трудах таких современных исследователей, как А. Ю. Ашкеров, О. Н. Астафьева, В. С. Буянов, С. А. Вешкурцев, В. В. Воронов, В. О. Кротков, В. А. Кутырев, А. Г. Дугин, Е. В. Дугина, А. М. Жерняков, Е. П. Ларькова, Л. В. Низовцева, И. А. Пфаненштиль, Л. Р. Рядинских, Н. Н. Федотова, Л. Н. Федотов, С. В. Филонов и других. Предметом самостоятельного анализа феномен экономоцентризма в различных аспектах его проявлений выступает в работах таких авторов как И. К. Джерелиевская «Экономоцентризм как негативный фактор социокультурного развития России», Е. Н. Улынина «Экономоцентризм в морали», А. А. Шаов «Генезис дискурса экономоцентризма как парадигмальной установки» и других.

Маркерами семантического пространства, заданного логикой, абсолютизирующей значение хозяйственно-экономических отношений в жизни общества, помимо экономоцентризма, выступают такие понятия как «экономизм» (Г. Шмолер), «рыночный фундаментализм» (А. Г. Дугин), «экономический империализм» (Р. У. Саутер), «денежная цивилизация» (В. Ю. Катасонов), «экономическая цивилизация» (С. Н. Булгаков), «экономическое человечество» (Ж. Батай) и другие. Специфика названных семантических единиц, выражающаяся в их ценностно-мировоззренческой акцентуации, определяет и характер научных дискуссий, осуществляющихся с привлечением данных понятий. Она выходит за границы строго научного дискурса, прибегает к эмоционально нагруженным элементам анализа (М. Ю. Урнов, Д. И. Иванов) и т. д. Это указывает на то, что с помощью названных понятий артикулируются наиболее острые проблемы современности, привлекаются ресурсы научной рациональности в сферу решения тех социокультурных проблем, которые являются жизненно важными для личности

и общества.

Для выявления эвристического потенциала концепта «экономоцентризм» необходимо обратиться к корпусу работ, посвященных проблемам взаимодействия экономического знания и экономической науки с философским направлением общественной мысли, поиска способов совместного осмысления ими реального процесса хозяйственной деятельности людей. На данный аспект обращали внимание такие авторы как А. П. Ветошкин, А. А. Воскресенский, Л. С. Гребнев, Н. М. Кизилова, Ю. М. Осипов, И. Н. Тяпин, К. В. Молчанов, В. А. Колпаков, В. К. Королев, Я. С. Яскевич и другие.

Предметная область исследования находится в плоскости малоразработанных в отечественной социально-философской мысли проблем — рассматривает вопросы рискогенного потенциала социокультурных феноменов современного социума. Внимание к социальной стороне риска проявилось у исследователей достаточно давно. Среди зарубежных авторов это У. Бек, Э. Гидденс, М. Дуглас, Н. Луман, Д. Ритцер, В. Лоуренс, А. Смит, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас и другие. Анализ рискованного потенциала современного социума позволяет данным авторам утверждать о тотализации названного феномена в условиях современности. «Цивилизация риска» (Д. Дюкло, П. Лагадек, Л. Мэмфорд, П. Гудмен, Ж. Эллюль), «общество риска» (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман) – данные концепты философской аналитики, обращаясь к вопросам рискологии, принимаются научным сообществом как устоявшиеся и оправданные, имеющие под собой реальную референциальную основу. Э. Гидденс рассматривает социальный риск как атрибутивную черту «высокой современности», указывает на принципиальную неуправляемость значительного числа ситуаций и процессов, представляющих угрозу не только для отдельных социальных систем, но для мирового сообщества в целом.

Рискогенный потенциал человеческого поведения рассматривает немецкий социолог Н. Луман. В его работах прослеживается идея о том, что не социальность как таковая обладает способностью к воспроизводству

рископорождающих ситуаций, но собственно человек как участник социальной коммуникации инициирует рисковую сторону социальных взаимосвязей, многократно усложняя фактичность социального.

Современная отечественная наука внесла свой существенный вклад в развитие идей рискологии. Несмотря на то, что акцент в исследовательской проблематике сделан, прежде всего, на экономический (А. П. Альгин, А. А. Дагаев, О. Г. Крюкова, В. Д. Шапиро, Р. И. Федосова и др.), политический (И. А. Василенко, М. И. Ильин, А. С. Панарин, А. Л. Стриозе, Я. С. Яскевич и др.) виды риска, тема социальных рисков также оказалась под пристальным вниманием многих исследователей. Здесь могут быть названы труды таких авторов как И. А. Афанасьев, Ю. Л. Воробьев, Г. Б. Гутнер, В. И. Зубков, Ю. А. Зубок, С. Н. Илюшин, С. А. Красиков, А. Н. Куликов, С. В. Макеев, А. В. Мозговая, С. М. Никитин, Н. Н. Радаев, Д. С. Федин, В. Б. Устьянцев, И. Г. Яковенко, С. И. Яковлев, О. Н. Яницкий и других.

Интерес к рискологической проблематике в социокультурном аспекте ее понимания возник, прежде всего, в рамках зарубежной социально-гуманитарной мысли. Концепции рисков социокультурного развития, рассматриваемых сквозь призму современности, развивают в своих работах З. Бауман, П. Бергер, Ж. Бодрийяр, М. Кастельс, Д. Р. Сол, П. Штомпка и др.. В отечественной науке данная тема предметом специальной исследовательской рефлексии стала сравнительно недавно. Тем не менее, на сегодняшний день имеются работы авторов, обратившихся к проблеме рассмотрения феномена риска с точки зрения социокультурного подхода (А. Н. Ахиезер, А. В. Григорьев, В. В. Гришаев, Т. И. Заславская, И. М. Клямкин, А. В. Мозговая, Н. Л. Смакотина, О. Яницкий, О. В. Яцук, И. Г. Яковенко, Э. А. Панфилова, Н. В. Багнычева, Е. Ю. Шакирова и другие).

В работах Н. В. Багнычевой, Э. А. Панфиловой, Е. Ю. Шакировой и др. показано, что риск составляет атрибутивную характеристику экзистенции как таковой, в силу присущей ей проективной неопределенности бытия и действия, а также фундаментальности ее взаимодействия с Другим. Данный

онтологический ракурс осмысления проблемы рисков является чрезвычайно важным, поскольку позволяет рассматривать феномен риска в целом и социокультурных рисков, в частности, не как внешнее, преходящее по отношению к социокультурной динамике явление, но как глубинное основание социального функционирования. Также Н. В. Багнычевой риск рассматривается как негативная составляющая социокультурного воспроизводства. Е. Ю. Шакирова обращает внимание на то, что имплозия рискогенности порождает неопределенность современного социокультурного пространства и является показателем возникновения в нем предкризисных явлений¹. В данном ракурсе рассматривают проблему социокультурной специфики российского общества такие авторы как В. В. Гришаев, Т. И. Заславская, Н. Л. Ядов и другие. Существенное значение для возникновения рисков социокультурного развития, по мнению А. Н. Куликова, имеет увеличивающийся разрыв между «социальными общностями, ориентированными на традиционные ценности, и социальными группами, которые открыты социокультурным инновациям, возникающим в процессе глобализации, модернизации и технизации жизнедеятельности общества»².

Однако, несмотря на то, что современные авторы выявляют социокультурные основания риска, маркируют признаки социокультурного рискогенного контекста, выявляют социальную обусловленность рисков, собственно понятие социокультурных рисков как таковое не было концептуализировано в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Названный термин имеет единичное употребление (О. Н. Астафьева, В. В. Зотов, Д. В. Ищенко, Е. А. Кагай, Т. М. Каменев, Ю. А. Шадже), а стоящая за ним социокультурная реальность не изучена современной гуманитарной мыслью в достаточном объеме, в то время как необходимость данного исследования очевидна. В отличие от экономических, политических,

¹ Шакирова, Е. Ю. Основания рискогенности современного социокультурного пространства // Человек. История. Культура: исторический и философский альманах. – Саратов : Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, 2014. – С. 35–44.

² Куликов, А. Н. Социальные риски в динамике современного общества / автореф. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А. Н. Куликов. – Ставрополь, 2013. – 19 с.

экологических и т. п. рисков, которые дифференцировано выявляют лишь отдельные специфические аспекты в функционировании некоторых подсистем, социокультурные риски в силу своей многоукладности, многосоставности, полифункциональности сопряжены с воспроизводством и развитием социальности и культуры как таковых. Они определяют логику развития цивилизации в целом.

Немаловажную роль при рассмотрении вопроса о социокультурных рисках эконоцентричного общества играет вопрос об антропологическом измерении названной проблемы. Прежде всего внимание привлекает тема человека как актора рискованных отношений в обществе. Внимание данному – антропологическому – вопросу уделяют психологи О. Ф. Гефеле, Т. В. Корнилова, Г. Н. Солнцева, В. А. Петровский и др., а также философы А. А. Грякалов, А. П. Желобов, А. С. Мамзин, Б. В. Марков, В. Л. Обухов, В. С. Ефимовских (теория «рискового человека»), В. И. Стрельченко, А. А. Корольков, Ч.С. Кирвель и др..

Особую специфику проблема социокультурных рисков, инициируемых современной личностью, приобретает в свете решения вопросов хозяйственно-экономического порядка. Рискованность современного общества и его влияние на поведение особого слоя акторов экономических транзакций – предпринимателей – выстраивающих стратегию собственного действия по оси «свобода – выбор – риск» рассматривают такие исследователи как А. В. Алейников, А. И. Арефьев, М. Н. Гермогентова, В. И. Грачев, Д. И. Кокурин, И. Д. Осипов, К. С. Пигров, Е. В. Серегин и другие.

Социогуманитарная рефлексия, рассматривая вопрос о расширении значения хозяйственно-экономических поведенческих стратегий личности, выдвигает на первый план модель человека как рационального агента, стремящегося максимизировать свою прибыль, минимизируя издержки. Труды, посвященные данной проблематике, охватывают собой работы как экономистов (А. Смит, Д. Рикардо, Г. Беккер, В. Автономов, Л. Гребнев, О. Кобяков, С. Малахов, К. Улих, А. Шаститко и др.), так и представителей других

направлений гуманитарных наук: И. А. Андреева, С. А. Ляужева, В. Н. Нечай, А. А. Шаов, В. П. Щербаков и другие. При этом в свете нарастающих тенденции по экономизации неэкономических сфер общественного функционирования названная поведенческая формула все более тотализируется: распространяется не только на собственно экономическую сторону жизнедеятельности личности, но и на весь социокультурный строй общества в целом.

Таким образом, можно заключить, что несмотря на то, что теоретические разработки по проблемам социокультурной динамики современного общества, вопросам его антропологических и хозяйственно-культурных трансформаций являются предметом исследования достаточно давно, проблема социокультурных рисков эконоцентричного общества не нашла целостного отражения в социогуманитарной рефлексии и требует глубокого изучения.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в том, что разработка проблемы социокультурных рисков в специфических условиях современного общества позволяет актуализировать проблемное поле исследований, направленных на выявление негативных стратегий социокультурного развития, поиск механизмов их преодоления. Концептуализация и экспликация содержания теории эконоцентричного общества обладает мировоззренческой значимостью, так как предлагает конструктивные пути преодоления социокультурных рисков современности посредством апелляции к ценностно-смысловой сфере социума. Результаты и материалы диссертации могут быть применены при разработке теории моделирования современных социальных процессов.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что оно способствует научно-практической проблематизации ряда концептуально значимых тезисов современной философии, предлагает их многоплановое решение. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в учебной работе при разработке дисциплин и подготовке курсов по философии, различных спецкурсов по культурно-антропологической

проблематике (философии культуры, антропологии, философии экономики и др.). Полученные данные могут быть использованы при создании современных концепций национальной безопасности России и Беларуси, стратегий устойчивого их развития.

Методология и методы исследования Рассматриваемая в работе проблематика разворачивается в синтетическом концептуальном пространстве, составными элементами которого выступают цивилизационный, социокультурный и холистический подходы. Также широко используются такие современные подходы философско-мировоззренческой аналитики, как философско-антропологический, историко-герменевтический, диалектический, синергетический, системно-структурный и другие. В качестве общей методической базы избирается историко-компаративистский метод, поскольку проблема генезиса эконоцентричного общества имеет ярко выраженную пространственно-временную специфику. Для изучения социокультурных проблем автор использует эвристический потенциал дискурсного анализа. Дискурсный анализ является источником получения знаний о принципах социальных взаимоотношений, возникающих между социальными субъектами в определенных условиях развития общества. Поскольку дискурс – «это составляющая социокультурного взаимодействия»¹, то его изучение позволяет сделать компетентное заключение о характере и направленности данного взаимодействия.

Основные положения, выносимы на защиту:

1. Эконоцентризм – система взглядов, жизненных ориентаций и установок, абсолютизирующих принципы материального роста, максимизации прибыли и индивидуального прагматизма (в противовес органическим потребностям природы, общества, человека), обуславливающих возникновение кризисных явлений как в собственно экономических, так и неэкономических сферах социального функционирования. С историко-генетической, и с

¹ Ванн Дейк, Т. А. Язык, познание, коммуникация. – Благовещенск : Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1989. – С. 112.

современной точек зрения эконоцентричное общество представляет собой результат проникновения и легитимации принципов частнобизнесных производственно-экономических, торгово-экономических и финансово-экономических практик в сферы, закрытые для них в эпоху модернизации, что привело к возникновению современной ситуации неразличимости между экономической, политической, социальной и культурной видами деятельности.

2. Социокультурный риск — это вероятность реализации неблагоприятной альтернативы развития социума и культуры, проявляющаяся в снижении уровня их жизнеспособности и невозможности воспроизводства. Социокультурные риски эконоцентричного общества проявляются в следующем: фетишизации накопительной деятельности как универсальной стратегии жизненных проявлений личности и социума; сверхэксплуатации времени; фетишизации и дискриминации идеи труда; подрыве сущности творческой деятельности; риске тотальной дифференциации мирового сообщества, основанной на принципиальном неравенстве (прежде всего, экономическом); культурном упрощении внутреннего бытия личности на фоне технического усложнения мира внешнего и т. п.;

3. Современная смена интеллектуальных традиций (перехода от классической к постнеклассической рациональности) свидетельствует о наличии определенного «разрыва» между системой методологических концептуальных и терминологических средств социогуманитарного познания и задачами уяснения природы вновь возникающих в обществе явлений. В обновлении средств социогуманитарной аналитики нуждается исследование проблем эконоцентризма и связанных с ним социокультурных рисков. С целью преодоления существующих трудностей в диссертации вводится и уточняется содержание таких понятий как: эконоцентричное общество, эконоцентризм, экономический фундаментализм, экономизм, социокультурная парадигма.

4. Социокультурная парадигма эконоцентризма, доминирующая в современном европейском социуме, обладает следующими характерными

чертами: ориентация на максимум накопительства как генеральную смысложизненную стратегию личности и общества; запрос на формирование аутентичной экономоцентризму рациональности; деонтологизации реальности, экономическая редукция реальности в целом: стремление к сугубо материальному (в предельном варианте — экономическому) пониманию действительности; постулирование необходимости коммерциализации неэкономических сфер жизни общества; эскалация тенденций коммодификации (всеобщей товаризации); дегуманизирующие тенденции социализации; эскалация рисков.

5. Теоретико-методологическим основанием для формирования стратегий по преодолению экономоцентричной парадигмы могут выступить принципы философии хозяйства, ориентирующие на гармонизацию отношений в системе природа – общество – экономика – культура – человек. Реактуализация идейного потенциала философии хозяйства, рассматривающего нераздельную целостность социокультурных и экономических аспектов жизнедеятельности человека и общества, выступает одной из важнейших задач современной социогуманитарной рефлексии.

6. Развитие внеэкономической сферы жизни современного общества находятся в прямой зависимости от тенденций усиления роли экономоцентризма в социокультурных практиках. Ведущее значение в данном процессе имеют факторы лавинообразного роста виртуалистичности в экономической сфере (рост фиктивного финансового капитала), доминирования фиктивного сектора экономики. Коррелируя с данными тенденциями, внеэкономическое пространство современного социума моделируется с ориентацией на фиктивность, формальность, условность (симулируемая реальность). Легитимация принципов экономоцентризма в ходе социокультурной динамики сопряжена с активной институализацией нововведений, способствующих закреплению и развитию в обществе данных принципов (рост институтов мобилизации капитала, виртуальных форм экономических отношений (прежде всего, финансово-спекулятивных) и

механизмов их реализации, отделение экономических транзакций от социокультурных и т. п.).

7. Эскалация деонтологизирующих тенденций в экономике и культуре приводит к формированию в обществе специфического антропологического типа «игрока-спекулянта», реализующего свои жизненные стратегии путем имитации, минимизации усилий, игры, риска. В собственно экономической сфере «игрок» конкретизируется в облике «хомо финансикуса» – человека финансового, представляющего собой определенный уровень развития «хомо экономикуса» – человека экономического. Если человек экономический проявляет себя как рациональный максимизатор, стремящийся при минимуме издержек максимизировать прибыль, то человек финансовый выступает как иррациональный мегамизатор: его сущностная черта — иррациональное стремление к *сверхприбыли*. В итоге нормативность современного экономоцентричного общества создает режим благоприятствования для дальнейшего утверждения и экспоненциального роста спекулятивно-финансовых транзакций, ведущих к сверхприбылям, и утверждению неравенства в обществе, способствуя росту социогуманитарной рецессии.

8. Значимыми инструментами сдерживания экспансии экономоцентризма могут выступить следующие механизмы: учреждение института социогуманитарной экспертизы; развертывание процессов гуманитаризации образования, создание многоуровневых агро-культурных и культурно-промышленных систем, ориентированных на развитие местных и региональных экономик, аутентичных культурным, социальным, природным, духовным, экономическим запросам/потребностям локальных субъектов хозяйственно-культурной деятельности, а также отказ от этического и экономического антипрогибиционизма.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертационной работы и ее результаты были представлены в «3» монографиях, «16» статьях, опубликованных в научных изданиях из перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть

опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в более 30 публикаций в журналах, сборниках научных трудов, материалах научных конференций, а также на научных семинарах, конференциях, конгрессах и форумах в России и за рубежом, в том числе на: Международном Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт Россия» (СПЭК – 2015) СПб, 23 марта 2015 г; Международном экономическом форуме «Несырьевое будущее России» – МЭФ 2014. Москва, 26–27 марта 2014 г, МГУ им. М. В. Ломоносова; Международной научной конференции в РГПУ им А. И. Герцена «Ребенок в современном мире. Метафизика семьи и государственная политика» 20 апреля 2014 г, СПб, РГПУ им. А. И. Герцена; Международной научно-практической конференции IX Ямбургские чтения «Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность» 04 апреля 2014 . Кингисепп, АОУ ВПО ЛГУ им. А. С. Пушкина; Международной научной конференции Довгирдовские чтения III: философская антропология и социальная философия: 26–27 апреля 2012 г. (г. Минск, РБ); Международной научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы личности и общества»: 20 февраля 2014 г. – Днепропетровск; Городском теоретико-методологическом семинаре «Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания» г. Гродно, РБ (2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2015 гг).

Результаты исследований нашли применение при подготовке и публикации учебных и учебно-методических пособий по истории философии, философии для студентов высших учебных заведений. Результаты исследования используются в научно-образовательном процессе в средне-специальных и высших учебных заведениях РБ и РФ (акты внедрения: № 03-8/064 от 14.05.2015 г; № 03-8/090 от 08.06.2015 г; № 03-8/162 от 06.11.2015 г).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Протокол № 2 от 02.10.2015 г. Автором опубликовано около 100 научных работ, 49 из них – по теме диссертационного исследования.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав (включающих 10 параграфов), заключения и списка литературы. Список использованной литературы включает 522 источника.

Содержание работы. Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, рассмотрена степень ее разработанности, определены предмет и объект, цель и задачи, методологические основания диссертационной работы, представлены положения выносимые на защиту, указана новизна, теоретическая и практическая значимость научного исследования, показана степень самостоятельности проведенного исследования, отражена информация об апробации результатов исследования.

В *первой главе «Теоретико-методологические основания исследования»* рассматриваются основные проблемы теоретико-методологического характера, которые возникают при решении вопросов, связанных с функционированием современного социума. В частности, в *первом параграфе первой главы «Дискурс экономоцентризма как предмет социогуманитарной рефлексии»* отмечается, что одними из самых актуальных вопросов для решения проблем современного социума, являются вопросы факторов социальной динамики. Указывается на эвристическое значение синергетической модели социального развития, согласно которой, социальный детерминизм имеет множественную причинность, проявляется в многофакторности. Делается вывод о том, что для углубленного понимания причин социальной динамики целесообразно оперировать понятием «социокультурная парадигма», в смысловом пространстве которого аксиологические, праксиологические, гносеологические, метафизические и т. д. ориентации социума выступают как некоторая целостность. Принятая обществом социокультурная парадигма, благоприятствует институционализации тех нововведений, которые способствуют ее полному развертыванию и развитию. Аутентичной запросам современного социума выступает социокультурная парадигма экономоцентризма, обладающая следующими характерными чертами: табуирование холизма в самых различных формах его проявления;

проистекающий отсюда запрос на формирование аутентичной экономоцентризму рациональности в направлении диалектического отрицания типологически не совпадающими с нею видами; развертывание тенденции по деонтологизации знания, отрицание существования референциальной основы последнего. Совокупность вышеперечисленных тенденций ведет к инверсии реальности в целом: усиленное стремление к сугубо материальному (в предельном варианте — экономическому) существованию преобразует саму жизнь «в абстрактный анемичный процесс» (С. Жижек) .

Во втором параграфе первой главы «Методология исследования проблемы социокультурных рисков в экономоцентричном обществе» указывается, что потенциал универалистского подхода, оперирующего логикой линейной каузальности, рассматривающего явления современной социокультурной действительности вне конкретного исторического, политического, психологического и т. п. контекстов, в значительной мере исчерпан, поскольку специфика современной социокультурной ситуации указывает на необходимость формирования синтетического методологического пространства, образуемого на взаимопересечении исследовательских линий, восходящих к экономической теории и политэкономии, социальной философии и антропологии. Возникает необходимость обращения к плюрально-каузальным, синергетическим интерпретационным моделям, комплементарно сочетающимся с цивилизационным подходом к пониманию социокультурной динамики, принципами холизма, различными формами конструктивизма (экономический конструктивизм, политический конструктивизм, философский конструктивизм, этический конструктивизм) и т. п..

Вторая глава «Предпосылки становления экономоцентричного общества: от идеи хозяйственно-культурной целостности к принципу автономизации экономики» посвящена вопросу динамики представлений о способах хозяйствования и трансформации нормативного сопровождения хозяйственной деятельности в социокультурной традиции европейского общества.

В первом параграфе второй главы 2.1. «Экономоцентризм в контексте хозяйственно-культурного развития общества» указывается, что подобно тому, как социокультурная динамика общества неизменно сопряжена со сменой парадигм развития, хозяйственная жизнь также эволюционирует, демонстрируя различие хозяйственных стратегий в пространственно-временной (культурно-исторической) перспективе. При этом отмечается, что динамика хозяйственно-культурного развития социума обнаруживает тенденцию к его деонтологизации. Данный процесс способствует разрушению целостности хозяйственно-культурной системы, в которой роль неэкономических и экономических составляющих находится во взаимосвязи и взаимозависимости. Синкретизм хозяйственной и культурной сфер, характерный для традиционного общества, способствовал закреплению в обществе нормативности, направленной прежде всего на удовлетворение запросов культуры: закрепление принципов иерархии, внеэкономических форм зависимости и принуждения к труду. Это, в свою очередь, актуализировало такие нормы культурного функционирования, которые требовали апелляции к этике и морали: социальный статус, слава, достоинство, духовность и т. п.. Собственно экономические маркеры социального престижа использовались не в полной мере: вне легитимирующего воздействия культуры материальный фактор (богатство и т. п.) не мог обеспечить человеку высокий статус и достойное положение в обществе.

По мере закрепления в обществе социокультурной парадигмы экономоцентризма происходит трансформация культурных приоритетов социального функционирования, в том числе, в сфере хозяйственно-культурного развития. Экономоцентричная установка отражает сугубо материальную сориентированность общественного и индивидуального сознания, подвергающую остракизму культурные, духовно-нравственные, межличностные принципы построения общественных отношений.

Особую роль экономоцентричная парадигма сыграла в становлении и развитии капиталистической системы. Сущностные черты последней (абсолютизация принципа получения максимальной прибыли — сверхприбыли;

ориентация на минимизацию издержек; перманентная трансформация; принципиальное неравенство социоэкономического функционирования: деление мира на «центр» — «периферию»; остракизм этико-нормативных отношений; эскалация рисков и т. д.) способствуют тому, что происходит постепенная «конвертация» капитализма в его неэкономические формы (информационные, культурные, человеческие, символические), вызывая кризисные явления в функционировании соответствующих им социокультурных сфер. Общество становится эконоцентричным. Реализация принципов эконоцентризма крайне разрушительна для общества, выступает источником кризисных явлений. Это происходит потому, что эконоцентричная логика ориентируется на разрушение органичных хозяйственно-культурных отношений, выступающих основой полноценного социального функционирования, предлагает проект социокультурной сверхэксплуатации со стороны наиболее сильных субъектов социоэкономического развития.

Во втором параграфе второй главы «Инструментализация дискурса эконоцентризма в социокультурных условиях современного общества» рассматриваются механизмы экспликации социокультурной парадигмы, создаваемые ими инструменты объективации смысловых доминант эконоцентризма на уровне общественного и индивидуального сознания, а также социокультурных институтов современного общества. В частности показано, что социокультурная парадигма эконоцентризма, господствующая в современном обществе обладает целым спектром неэкономических инструментов, способствующих развертыванию и закреплению аутентичных ей принципов и норм: экономизированный язык, определенным образом концептуализированное научное знание, закрепление соответствующих эконоцентризму норм и знаний на уровне общественного и индивидуального сознания, а также на уровне социокультурных институтов (политико-правовых, экономических, морально-нравственных и т. п.) и другие. Значительная роль в этом процессе отведена такому социальному институту как наука и особенно ее экономическому направлению. Показано, что тематизация предметной области

научных исследований, равно как и «центрация» внимания общественного сознания на проблемах экономического порядка (прежде всего вопросах богатства, накопительской деятельности в целом и т. п.) «погружает» общество в соответствующую семиосферу, способствует латентному выстраиванию ценностно-мировоззренческих ориентаций личности и социума вдоль оси, аутентичной презумпциям эконоцентричной социокультурной парадигмы. Также продемонстрировано, что рискогенный потенциал социокультурной парадигмы эконоцентризма проявляется в ее делегитимирующем воздействии на действительность. Обоснование правомерности виртуалистичности и произвольности субъективных конструкций, не отсылающих к реальным событиям и отношениям как исходным предпосылкам теоретизирования и деятельности, с одной стороны, способствуют признанию максимально абстрактных интеллектуальных конструкций в сфере экономики (эконометрика) наиболее адекватными инструментами для решения задач экономического развития, с другой, в неявном виде формулируют запрос на симулятивные теоретизирования и действия, что способствует форсированному развитию фиктивных отношений в экономике (фиктивный финансовый капитал) и в обществе в целом (симулируемая реальность Ж. Бодрийяра).

В третьем параграфе второй главы «Идея накопительства: эволюция и роль в формировании эконоцентричного общества» раскрывается положение о том, что становление эконоцентричного общества связано с трансформацией смысловой сферы, произошедшей в ходе социокультурной динамики, важнейшими элементами которой являются абсолютизация в общественном и индивидуальном сознании идей накопительства. Ключевыми маркерами социальной иерархии в данном типе социума выступают отношения денег, процентов, долгов и кредитов. Несмотря на то, что долги и кредиты как система зависимостей между людьми стали развиваться в самостоятельном русле достаточно рано, о чем убедительно пишут исследователи натуральных, первобытнообщинных обществ (М. Мосс, М. Элиаде, М. Салинз и др.), специфичную объективацию посредством материальных факторов она

приобрела лишь в перешедших к производящему хозяйству обществах. Отмечается, что на ранних стадиях существования производящих обществ усиление типа зависимости, определяемого по материальному фактору (натуральный и денежный заем) не получало достаточной поддержки со стороны общества, жестко не закреплялось на уровне социокультурных институтов (мораль, право и т. п.). Данная тенденция, несмотря на некоторое ее ослабление в поздний период существования традиционного общества, в целом препятствовала становлению эконоцентричной парадигмы социокультурного развития. Утверждается, что в разные периоды развития общества на первый план выступали различные способы отношений взаимности, а также стратегии накопительства: военно-силовое (насильственный захват собственности), торговое накопление в результате обмена, производительное накопление путем умножения прибавочной стоимости, наконец, финансовое фиктивное накопление (перераспределение). Также делается вывод о том, что по мере усиления игровых (финансово-спекулятивных) принципов фиктивного накопления капитала общество утрачивает онтологические черты хозяйственно-культурной системы и превращается в виртуализированное эконоцентричное общество, в котором принцип автономизации экономики, поступательно развертывая свои сущностные черты приводит к феномену деонтологизации последней.

В четвертом параграфе второй главы «Фетишизация и дискриминация идеи труда как фактор развития эконоцентричного общества» рассматривается волнообразная динамика идеи труда в пространстве европейского социума. Указывается, что от полного (или частичного) остракизма, характерного для ранних стадий социального развития, данная идея взошла на вершины культурной нормативности, достигнув своего апогея в новоевропейский период. При этом отмечается, что в данный период, связанный с зарождением и развитием капиталистических отношений, идея труда абсолютизируется, превращая обозначаемый ею феномен в своеобразный фетиш — мерило и маркер не только социальных отношений, но и всего

комплекса жизненных проявлений человека (от метафизических до витальных).

Обосновывается положение о том, что фетишизация идеи труда тесно связана с утверждением экономоцентричной парадигмы развития социум. Труд как фетиш во многом способствовал изменению социополитического и культурного порядка в сторону легитимации норм производительной деятельности, идеи накопительства, принципов экономического детерминизма.

Культурное возвеличивание идеи труда способствовало закреплению принципа субъектности человека в деле конструирования им посюстороннего мира, вытесняя на задворки культурной нормативности (маргинализируя) идею священного как онтологического, трансцендентного начала, с которым человек выстраивает отношения подчинения и зависимости. Отныне священное замыкается в «прокрустово ложе» земных отношений, принципы зависимости перераспределяются в пользу экономических установлений. В свою очередь, поступательное развертывание в обществе социокультурной парадигмы экономоцентризма привело к тому, что начиная с рубежных десятилетий XX–XXI веков, феномен производительного труда неуклонно маргинализируется и даже подвергается остракизму. Маргинализация труда особенно разрушительно сказывается на высших его формах — творческой деятельности, сопряженной с длительными волевыми, физическими, интеллектуальными усилиями, высокой трудовой мотивацией, психическим напряжением. В то же время отсутствие в обществе в достаточном количестве людей, способных реализовывать себя в творческой деятельности или нести тяготы трудовой повседневности, сопряжено с риском снижения уровня функционирования тех институциональных форм развития, на которых базируется благополучие современного общества. Делается вывод о необходимости восстановления оптимистической концепции труда.

Третья глава «Преодоление социокультурных рисков экономоцентричного общества: возможности и ограничения» посвящена проблемам выхода из сложившейся рискованной ситуации, развивающейся благодаря доминированию в обществе экономоцентричной социокультурной парадигмы. В частности, в

первом параграфе третьей главы «Рискогенность как социокультурный атрибут экономоцентричного общества» выявляется специфика проявления рискованных ситуаций, возникающих в результате экспансии экономизма на внеэкономические сферы социокультурного функционирования. Отмечается деструктивный характер экономоцентричных посылок на развитие науки, образования. Рассматривается феномен социокультурных рисков. Социокультурный риск раскрывается как генеральная метаориентация современного социума, выявляется значительная роль субъективной составляющей в ситуации эскалации рисков. Выявляются специфические проявления социокультурных рисков, отмечается их многоплановость и разнообразие. Выделяются такие риски как риск сверхэксплуатации времени, риск нарастания дегуманизирующих тенденций социализации, эскалация виртуалистичности, деонтологизация, дезтизация. Делается вывод о необходимости преодоления названной ситуации. Рассматриваются характеристики хозяйственно-культурной системы, как социального образования, противоположного экономоцентричному типу социума.

Во *втором параграфе третьей главы «Антропологическое измерение экономоцентричного общества»* устанавливается корреляция между складывающимся в обществе типом хозяйствования и воспроизводимым им типом личности. Отмечается, что важнейшим индикатором для выявления поведенческой специфики определенных типов личности выступает реализация ими идеи накопительства. Предлагается рассмотреть возможность выделения четырех форм накопления капитала: военно-силовым путем, на основе производства, путем торговли, наконец, благодаря фиктивным финансовым манипуляциям. Отмечается, что каждая из названных форм имеет свою историю возникновения, ареал действия и границы применимости, а также становится возможной благодаря возникновению и распространению в обществе соответствующих типов личности. Условно их можно обозначить как тип «воина», тип «труженика», тип «торговца», и, наконец, тип «финансового игрока, спекулянта». Рассматриваются названные типы личности и выясняются

перспективы развития общества, связанные с доминированием того или иного типа в системе социальных взаимодействий.

В третьем параграфе третьей главы «Механизмы сдерживания экспансии экономоцентризма» делается вывод о том, что неправомерно измерять благополучие общества сугубо экономическими показателями, такими как рост ВВП. Указывается, что помимо показателей роста ВВП, увеличения размеров «чистой прибыли», полученной субъектами хозяйственного развития и других критериев экономического порядка, необходимо рассматривать сопряженные с ними показатели, указывающие на развитие социальной сферы: степень развития образования и науки, полноценность функционирования медицинских систем, возможность доступа к мировым и национальным культурным ценностям, психологическое самочувствие человека и т. д.. Учет возможных перспектив развития личности, реализации ею важнейших стратегий жизни является принципиально важным для общества. В современном мире уже невозможно вести речь только лишь о физическом выживании человека (хотя для некоторых стран эта проблема не утратила своей актуальности). Сегодня большое значение придается таким составляющим человеческого благополучия, как возможность самоопределения (этического, национального, культурного, конфессионального и т. п.), перспективы личностного роста, доступ к качественно предоставляемым услугам и т. д.. Отмечается, что современная наука предлагает выявлять соотношение ВВП с таким показателем как «индекс устойчивого экономического благосостояния» (ИУЭБ). «Индекс устойчивого экономического благосостояния» разработан экономистом Германом Дейли и теологом Джоном Коббом. Этот показатель основан на трех составляющих: «индивидуальном потреблении, сопоставленном с условиями, относящимися к общественному благосостоянию и качеству природной среды». При этом отмечается, что ИУЭБ не имеет положительной корреляции с ростом ВВП.

Утверждается, что для того, чтобы внеэкономические критерии в оценке развития общества могли быть популяризированы в общественном сознании, а

также востребованы социально-политической практикой, необходимо разработать и утвердить механизмы, позволяющие не только выявлять и оценивать внеэкономические факторы развития социума, но и легитимировать такую шкалу в комплексной оценке благополучия человека и общества, в которой бы данные факторы являлись главенствующими. Именно такой, комплексный подход к оценке развития общества и человека предлагает процедура гуманитарной и социогуманитарной экспертизы (ГЭ и СГЭ). Таким образом, при оценке благополучности либо неблагополучности развития социума предлагаются количественные подходы дополнить качественными, разработанными на основе социогуманитарной экспертизы хозяйственно-экономической деятельности. Реализация идей социогуманитарной экспертизы возможна лишь при условии широкой гуманитаризации современного образования, наполнения его идеями гуманности и справедливости, этической состоятельности личности и общества.

В четвертом параграфе третьей главы «Философия хозяйства как антитеза экономоцентричной парадигме развития социума» показывается, что развертывание императивов экономоцентричной парадигмы, приближающихся на современном этапе развития социума к своим предельным выражениям, нуждается не просто в осознании их негативных проявлений, но и в преодолении последних. В связи с этим актуальной выступает задача поиска идей, не только альтернативных, но и антитезисных названным императивам. Антитезисным концептом для экономоцентричной парадигмы развития социума может выступить аксиоцентричная парадигма, актуализирующая роль ценностно-этической сферы в функционировании социума. Реализация аксиоцентричной стратегии в экономическом измерении означает смену представлений о сущности и роли экономических отношений в жизни социума. Наиболее адекватной данной стратегии социального функционирования может выступить философия хозяйства, рассматривающая экономику не как замкнутую, имманентно детерминированную сферу, но как хозяйственно-культурную целостность, в которой экономические практики тесно

переплетены с культурными феноменами. Антитезисность постулатов философии хозяйства эконоцентричной парадигме развития социума проявляется в том, что она строится на примате культурного и духовно-нравственного начала над экономическими практиками социального взаимодействия, также в ее реонтологизирующей тенденции, позволяющей встать на путь обретения подлинности миром, социумом, природой и собственно человеком. Обретение подлинности означает реализацию отношений, в которых человек, социум и весь универсум не могут подвергаться экономической редукции: рассматриваться в категориях «ресурсов», «капитала», «сырья», «товара» и т. п., но выступают как аутентичные неотчуждаемые феномены, бытийствующие в своей уникальности и незаменимости. Реализуется установка на хозяйственно-культурную целостность, на человека хозяйствующего, руководствующегося принципом достатка, а не прибыли, способного эффективно функционировать в рамках многоуровневых локальных агро-культурных и культурно-промышленных систем.

В Заключении делаются следующие выводы:

1. Сложность и разнонаправленность процессов социокультурного развития приводит к актуализации категории неопределенности, все более часто связываемой с понятием «риск». Современное общество, маркируемое как «цивилизация риска» (Д. Дюкло) «общество риска» (У. Бек), требует верификации аутентичных ему принципов и норм функционирования, выявления рискогенных факторов и механизмов их нейтрализации.
2. Для анализа современной социокультурной динамики целесообразно ввести понятие «социокультурная парадигма», способствующее генерализации представлений о смысловых проявлениях социума и личности. Социокультурная парадигма – это достаточно однородная система представлений и понятий о человеке, обществе, мире в целом, включающая в себя метафизические, онтологические, аксиологические, гносеологические, праксиологические презумпции, императивно конституирующие смысловое

пространство общества, согласно заданным в них нормам и принципам. Отличительной чертой социокультурной парадигмы является выделение в ее смысловом пространстве некой доминантной «метаориентации» (В. Степин), относительно которой выстраивается весь остальной корпус семантических конструктов. В зависимости от смыслового содержания данной метаориентации на первый план могут выходить либо проблемы метафизического порядка, либо гносеологическая состоятельность личности и общества, либо их праксиологическая зрелость и т. п. Принятая обществом социокультурная парадигма, в свою очередь, благоприятствует институционализации тех нововведений, которые способствуют ее полному развертыванию и развитию. Данное комплементарное взаимодействие создает систему обратных связей между институтами общества и социокультурной парадигмой до тех пор, пока в глубине данных отношений не возникнут тенденции, ведущие к их разрушению, после чего происходит смена социокультурной парадигмы, а также смена типа социального развития. В то же время можно наблюдать ситуацию, когда тип социального развития меняется, а главная метаориентация социокультурной парадигмы остается неизменной. В этом смысле можно говорить о модусных проявлениях социокультурной парадигмы, благодаря возникновению которых происходит более развернутое «овнешнее» ее сущностных глубин.

3. Социогуманитарная рефлексия, рассматривая исторические типы европейского общества по линии античность – средневековье – возрождение – новое (и новейшее) время, зафиксировала факт существования некоторой доминанты в смысловой сфере соответствующих обществ, указав на космоцентризм античности, теоцентризм средневековья и антропоцентризм эпохи возрождения, тем самым реализовав социокультурный уровень концептуализации. В то же время представление о новоевропейском периоде общественного развития, несмотря на попытки содержательного наполнения его различными социокультурными оттенками, в большей степени осталось историко-хронологическим. Углубить научные представления о

новоевропейском периоде общественного развития возможно обратившись к понятию «экономоцентризм», фиксирующему специфику социокультурной парадигмы, развернувшейся в западноевропейском обществе, начиная с эпохи нового времени до настоящих дней.

4. Центральной метаориентацией социокультурной парадигмы экономоцентризма является абсолютизация значения экономического как такового. В смысловом пространстве названной социокультурной парадигмы возникают такие императивы, которые полностью отрицают нормативность и принципы мироотношения традиционного общества и функционировавших в его рамках социокультурных парадигм (космоцентризм, теоцентризм и т. д.). В логике экономоцентризма мир утрачивает свойства онтологичности, данности-дара, воспринимается как производимая и воспроизводимая реальность, поскольку фундамент названной парадигмы составляет экономика, являющаяся собственно не онтологичным, но производным феноменом. Свойства производности, заимствованные от аутентичных экономике характеристик, сообщаются сначала миру материального, а затем и собственно сфере социальных институтов, общественного и индивидуального осознания, в связи с чем актуализируются экспансионистские и преобразовательные стратегии как в отношении природы, так и в отношении человека и общества.

5. Экспликация презумпций социокультурной парадигмы экономоцентризма носит многоуровневый и поступательный характер. Значительную роль в их реализации имеет феномен центрации – селективный отбор тех социокультурных апробаций, результаты которых способствуют утверждению и легитимации в социуме аутентичных данной парадигме императивов. Значительная роль в этом процессе отведена такому социальному институту как наука и особенно ее экономическому направлению.

6. Анализ антропологической проблематики, разворачивающейся в контексте экономоцентричного общества, позволяет выявить разнородные в своей фактичности (поведенческих и жизненных стратегиях) психо-антропологические типы личности, формирующиеся в пространстве данного

социума. Критерием различения названных типов выступает такой индикатор как отношение личности к проблеме накопительства и идее сверхпотребления (богатства), а также выбор средств, способов и методов реализации названного отношения. Было выявлено, что с точки зрения методов и количества получения благ, могут быть выделены такие типы личности как «воин», «труженик», «торговец» и «игрок». Первый из названных типов — воин — формируется еще на заре становления цивилизованного общества, выступает одним из наиболее рано воспроизводимых культурой типов, реализующих хозяйственную стратегию по принципу присвоения и насилия. Это связано с тем, что практика присваивающего хозяйствования является более ранней, относительно производящего ее типа, ориентирующей людей на присвоение данных природой даров. Тем не менее в рамках присваивающего хозяйства формируются не только насильственные формы отношения к действительности, но и отношения дара, выступающие основой культурных новообразований этико-нормативного характера. В частности, ощущение мира как данного человеку (Космосом, природой, Богом) приводит к формированию таких социокультурных черт как *благодарность* (в более ранних обществах это практики жертвоприношения), легитимация долговых обязательств (прежде всего символических), несколько позже — материальных. Развитие долговых отношений усложняло представление о феномене долга, выступившем основой иерархических отношений в обществе, основой неравенства, внеэкономических типов зависимостей индивидуального и надиндивидуального (семья, род, цех, клан и т. д.) характера. Стратегии дара и насилия являются конкурирующими и взаимодополняющими стратегиями социокультурного взаимодействия.

7. В рамках динамично меняющегося европейского общества в значительной степени актуализировались стратегии насильственно-силовых способов хозяйствования, что во многом было связано с эволюцией идеи накопительства в данном обществе. Дарообменные отношения остаются в отдельных лакунах социокультурного взаимодействия, преимущественно на уровне близкородственных связей (семья, род и т. п.). Актуализация

насильственно-силового способа отношения к действительности как продолжение практики присваивающего хозяйства, указывает на снижение общего уровня развития культуры, стремление ее к реализации антигуманных тенденций социализации.

8. Типологически близким «воину» является психо-антропологический тип «торговца», стремящийся к реализации меново-обменных взаимодействий, способствующих отчуждению социокультурных отношений, утрате их онтологической подлинности, уникальности. Преобладание в обществе названного типа личности способствует нарастанию в нем коммодификационных тенденций – росту числа феноменов и процессов, которые превращаются в товар.

9. Тип «труженик» представляет собой самый созидательный тип личности, поскольку его деятельность направлена на производство и воспроизводство материальных и духовных ценностей, необходимых для существования человека и общества. Данный психо-антропологический тип может быть признан гармоничным типом личности, отвечающим жизненным потребностям общества в том случае, если в своей трудовой активности он сохраняет баланс духовных и материальных ценностей. В противном случае, абсолютизация значения трудовой активности взятой вне духовного контекста, возвеличивание процесса материального производства как самодовлеющего в деле развития человека и общества оборачивается искажением социокультурной перспективы и способствует закреплению в обществе негативных тенденций социокультурной динамики: абсолютизации роли материального фактора в деле социального функционирования. Тип игрока, в собственно материально-экономической сфере воплощающийся в типе личности спекулянта и финансиста, стремящегося вне тягот трудовой активности сверхмаксимизировать собственную прибыль путем максимального снижения каких бы то ни было издержек (материальных, моральных и т. п.).

10. Рост числа личностей, психо-антропологические черты которых могут быть распознаны как соответствующие типу игрока и финансового спекулянта,

связано с тем, что специфика развития современной хозяйственно-экономической сферы проявляется в росте значения собственно финансового сектора. Господство фиктивного финансового капитала подрывает основу современной экономики, с одной стороны, и способствует деградации сопряженной с ней социокультурной сферы, с другой, благоприятствует нарастанию в ней симулятивных процессов. В результате имитационное подменяет собой подлинное, реальное вытесняется на задворки виртуального, формальное приходит на смену содержательному. Индикатором названных процессов может служить, к примеру, факт нарастания в обществе власти количественных, а не качественных процессов, ориентация на исчисляемое, подчиняющееся «цифрократии» – власти цифр. Для нейтрализации социокультурных рисков экономоцентричного общества необходимо осуществить поворот к культуре, морально-нравственной и духовной сферам общественного функционирования, что возможно в результате гуманитаризации системы образования, с одной стороны, и осуществления социогуманитарной экспертизы самых широких экономических практик, с другой. Вне реализации императивов, ориентирующихся на человекообразные потребности, дальнейшее развитие социума невозможно.

Основные положения диссертации опубликованы автором в 49 работах, общим объёмом 59,8 п. л., включая 16 статей в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК РФ (9,3 п. л.), 3 монографии (37,6 п. л.), одна из которых имеет три издания, 9 статей в рецензируемых научных журналах (5,3 п. л.), 8 статей в сборниках научных трудов (4,2 п. л.), 11 материалов конференций (3,4 п. л.).

Статьи в периодических рецензируемых научных изданиях из перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Семерник, С. З. Наука и образование: экспансия экономизма / С. З. Семерник // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2012. – № 146. – С. 188–

194 (0,6 п. л.).

2. Семерник, С. З. Идеология экономизма и неэкономические дискурсы: нарастающая несовместимость / С. З. Семерник // Философия права. – 2012. – № 2. – С. 34–41 (0,5 п. л.).

3. Семерник, С. З. «Homo economicus» как научная идеализация и тип личности в современном обществе / С. З. Семерник. // Философия права. – 2012. – № 6. – С. 54–57 (0,5 п. л.).

4. Семерник, С. З. Экономоцентризм как деструктивный фактор развития общества / С. З. Семерник // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова – 2012. – № 3 (81). – С. 48–60 (0,8 п. л.).

5. Семерник, С. З. Экономоцентризм как антитеза духовному развитию общества / С. З. Семерник. // Философия права. – 2013. – № 2. – С. 108–111 (0,4 п. л.).

6. Семерник, С. З. Антропологическое измерение социокультурной динамики: экспансия «человека экономического» / С. З. Семерник // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2013. – № 3. – С. 51–61 (0,7 п. л.).

7. Семерник, С. З. Феномен риска в современном обществе: социоантропологическое измерение / С. З. Семерник // Философия права. – 2013. – № 5. – С. 59–62 (0,5 п. л.).

8. Семерник, С. З. Новые направления анализа социально-экономической динамики / С. З. Семерник // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 4 (28). – С. 72–78 (0,6 п. л.).

9. Семерник, С. З. Экономоцентризм как доминирующая мировоззренческая установка в развитии современного социума / С. З. Семерник // Сервис Plus. – 2014. – Том 8. – № 3. – С. 81–88 (0,6 п. л.).

10. Семерник, С. З. Социогуманитарная экспертиза хозяйственно-экономической деятельности как императив современности / С. З. Семерник // Научные ведомости БелГУ. – 2014. – № 29 (187). – С. 12–16 (0,5 п. л.).

11. Семерник, С. З. Интерпретационный потенциал экономической рациональности в свете актуальных проблем современной социодинамики / С. З. Семерник // Философия права. – 2015. – № 3 (70). – С. 79–82 (0,5 п. л.).

12. Семерник, С. З. Роль концепта труда в развитии общества / С. З. Семерник // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 3. – С. 139–148 (0,7 п. л.).

13. Семерник, С. З. Дискриминация идеи труда как фактор риска в развитии эконоцентричного общества / Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 4. – С. 299 – 305 (0,5 п. л.).

14. Семерник, С. З. Экономцентризм как фактор риска в развитии современного социума / С. З. Семерник // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии.– 2015. – № 2 – С. 47–53 (0,5 п. л.).

15. Семерник, С. З. Социокультурные риски как предмет социогуманитарной рефлексии и феномен современного общества / С. З. Семерник, Ю. В. Балахонская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2 (66). – С. 239–244 (0,8 п. л.).

16. Семерник, С. З. Отчуждение социокультурных форм как фактор риска в развитии эконоцентричного общества / С. З. Семерник // Вестник МГОУ. – 2015. – № 3. – С. 67–73. (0,6 п. л.).

Монографии

17. Семерник, С. З. Экономцентричное общество: характер и направленность развития / С. З. Семерник. – Гродно: ГрГУ, 2015. – 297 с. (18 п. л.).

18. Семерник, С. З. Человек в эконоцентричном обществе: перспективы и риски / С. З. Семерник. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 199 с. (11,8 п. л.).

19. Семерник, С. З. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: монография / Ч. С. Кирвель и др.; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно: ГрГУ, 2008. – Гл. 6. – С. 362–402 (2,6 п. л.).

20. Семерник, С. З. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. 2-е изд. перераб. и доп. / Ч. С. Кирвель и др.; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно: ГрГУ, 2009. – Гл. 6. – С. 379–411. (2,6 п. л.).

21. Семерник, С. З. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. 3-е изд. перераб. и доп. / Ч. С. Кирвель и др.; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – Минск : Четыре четверти, 2010. – Гл. 6. – С. 379–411. (2,6 п. л.).

Статьи в рецензируемых научных журналах

22. Семерник, С. З. В духовном Зазеркалье: по ту сторону добра / С. З. Семерник // Беларуская Думка. – 2006. – № 7. – С. 93–104 (0,9 п. л.).

23. Семерник, С.З. Ценностно-мировоззренческая безопасность в эпоху глобализации / С. З. Семерник / Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 5. – Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 27–30 (0,5 п. л.).

24. Семерник, С. З. Экономический человек – социальный тип современного общества / С. З. Семерник, Д.А. Тишко // Вестник ГрГУ. – Серия 1. – 2010. – № 3. – С. 51–59 (0,5 п. л.).

25. Семерник, С. З. Общество будущего: победа экономического фундаментализма или постэкономическая реформация? / С. З. Семерник, Ч.С. Кирвель // Проблемы управления. – 2010. – № 2. – С. 216–226 (0,8 п. л.).

26. Семерник, С. З. Экономический человек как кризисогенный фактор современного общества / С. З. Семерник // Вестник БрГУ. Сер. 1. Философия. Политология. – 2011. – № 1. – С. 69–82 (0,4 п. л.).

27. Семерник, С. З. Метод аналогий в науках об обществе и человеке / С. З. Семерник // Веснік ГрДУ. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2011. – № 1. – С. 68–73 (0,4 п. л.).

28. Семерник, С. З. Философское осмысление феномена человека: проблемы и противоречия // Веснік ГрДУ. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2011. – № 3 (115). – С. 88–99 (0,8 п. л.).

29. Семерник, С. З. Модернизация образования: скупой платит дважды / С. З. Семерник, Ч.С. Кирвель // Беларуская Думка. – 2012. – № 8. – С. 24–29 (0,5 п. л.).

30. Семерник, С. З. Модернизация образования: скупой платит дважды / С. З. Семерник, Ч. С. Кирвель // Беларуская Думка. – 2012. – № 9. – С. 14–20 (0,5 п. л.).

Статьи в сборниках научных трудов

31. Семерник, С. З. Коммерциализация науки и образования как фактор риска в развитии современного социума / С. З. Семерник, Н. Ф. Провоторов / Подростки и общество риска: в поисках идентичности : сб. науч. трудов. – СПб. : Астерион, 2013. – С. 173–177 (0,3 п. л.).

32. Семерник, С. З. Становление экономоцентричного общества: аксиологический аспект / С. З. Семерник, А. И. Клименко / «А. И. Герцен: идеи науки и образования» Сб. науч. трудов. – СПб: Астерион, 2013. – С. 201–209 (0,5 п. л.).

33. Семерник, С. З. Социокультурные риски современного общества: антропологическое измерение / С. З. Семерник // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. – Гродно: ГрГУ, 2012. – С. 352–356 (0,3 п. л.).

34. Семерник, С. З. Антропологическое измерение современной техногенной цивилизации / С. З. Семерник, Ч.С. Кирвель. // «Пути онтологии». Сборник научных статей / Отв. ред. Б. И. Липский, Ч. С. Кирвель. СПб. : СПбГУ, 2013. – 258 с. (0,7 п. л.).

35. Семерник, С. З. Преодоление экономоцентризма как императив в развитии современного социума / С. З. Семерник // Вестник учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. – 2014. – № 1. – С. 38–45 (0,5 п. л.).

36. Семерник, С. З. Современная парадигма развития социума: проблемы и противоречия / С. З. Семерник, Ч.С. Кирвель // Человек в мире социума: сборник научных статей. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. – С. 88–101 (0,9 п. л.).

37. Семерник, С. З. Культуроцентризм как антитеза экономоцентричному развитию общества / С. З. Семерник // Социокультурная динамика глобальных процессов : науч. труды каф. глобалистики и геополитики (к 25-летию) / под ред. И. Ф. Кефели. – СПб. : БГТУ «Военмех», 2014. – С. 49–56 (0,5 п. л.).

38. Семерник, С. З. Глобальные трансформации современности: антропологическое измерение / С. З. Семерник // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе : сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. – С. 3–9 (0,5 п. л.).

Материалы конференций

39. Семерник, С. З. Общество «земного рая»: ступени духовной деградации / С. З. Семерник // Глобализация PRO ET CONTRA: Материалы международной научной конференции. – СПб: Астерион, 2006. – С. 156–160 (0,3 п. л.).

40. Семерник, С. З. К вопросу о нравственном измерении личности в современном обществе / С. З. Семерник // Глобальная динамика социальных процессов современности: Материалы международной научной конференции «Социализация личности в глобальном мире». – редкол. К. В. Султанов [и др.] – СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2009. – С. 313–318 (0,4 п. л.).

41. Семерник, С. З. Образование в условиях рыночного общества: проблемы и перспективы развития С. З. Семерник // «Религия и общество – б» : Мат-лы науч.-практ. конференции. – Могилев, 13 мая 2011 г. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 211–213 (0,2 п. л.).

42. Семерник, С. З. Перспективы развития «общества потребления»: антропологическое измерение / С. З. Семерник // Довгирдовские чтения III: философская антропология и социальная философия: Мат-лы международной научной конференции 26–27 апреля 2012 г. / Минск: ИФ НАН РБ, 2012. – С. 129–131 (0,2 п. л.).

43. Семерник, С. З. Социализация молодежи в социокультурных условиях экономоцентричного общества / С. З. Семерник // Молодежь и

общество: проблемы и перспективы развития: Материалы III Международной научно – практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов / Под общ. ред. Семеновой Н.С. – Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. – С. 312–316 (0,2 п. л.).

44. Семерник, С. З. Техничко-технологические практики современности: освобождение человека или реванш машин? / С. З. Семерник // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем : Материалы междунар. науч. конференции, 15-16 ноября 2013 г. / науч. ред. совет: А. А. Лазаревич [и др.] ; ИФНАН РБ. – Минск: Право и экономика, 2013. – С. 449–451 (0,3 п. л.).

45. Семерник, С. З. Экономический подход в объяснении механизмов развития общества: степень адекватности и границы применимости / С. З. Семерник // Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность : Материалы междунар. науч.-практич. конференции IX Ямбургские чтения 04 апреля 2014 г. – С. 50 – 54 (0,3 п. л.).

46. Семерник, С. З. Психологические особенности экономической социализации личности: постановка проблемы / С. З. Семерник // Психолого-педагогические проблемы личности и общества : Материалы междунар. науч.-практич. конференции 20 февраля 2014 г. – Днепропетровск: «Середняк Т.К.». – С. 35–37 (0,2 п. л.).

47. Семерник, С. З. Представление о благополучии как фактор развития ценностно-смысловой сферы личности: психологический анализ / С. З. Семерник, А. С. Калачева // Психолого-педагогические проблемы личности и общества : Материалы междунар. науч.-практич. Конференции 20 февраля 2014 г. – Днепропетровск: «Середняк Т. К.». – С. 17–19 (0,2 п. л.).

48. Семерник, С. З. Экономическая и правовая культура общества: перспективы развития и взаимодействия / С. З. Семерник // Материалы межвуз. круглого стола. 20 марта 2015 г. – Гродно : ЮрСаПринт. – С. 3–6 (0,2 п. л.).

49. Семерник, С. З. Образование и наука: ответ на экономические вызовы современности // Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной

политики» : сборник материалов Санкт-Петербургского междунар. экономич. конгресса (СПЭК-2015) / Под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – М. : Культурная революция, 2015. – С. 717–728 (0,9 п. л.).